

¹Колледж индустрии питания,
торговли и сферы услуг,
г. Томск

²Томский институт бизнеса,
г. Томск

КЛАССИЧЕСКАЯ И СОВРЕМЕННАЯ СОЦИОЛОГИЯ ЗНАНИЯ: ПАРАДИГМАЛЬНЫЙ ПОДХОД

В статье рассматриваются классическая и современная социологии знания с позиции парадигмального подхода. Основанием классической парадигмы социологии знания являются теории социального знания и действия К. Маркса, М. Вебера, Э. Дюркгейма и К. Маннгейма. Включение науки в качестве материала для социологического анализа привело к образованию современной парадигмы социологии знания, представителями которой выступают Д. Блур, С. Барнс, Б. Латур и С. Вулгар.

Ключевые слова: парадигма, полипарадигмальность, социология знания, социология науки, социальное действие.

Понятие «парадигма» и парадигмальный подход были впервые применены для историко-филологического анализа развития естественнонаучных открытий. Т. Кун в своей работе «Структура научных революций» подробно описывает смену парадигм относительно естественных наук. Но уже в дополнении 1969 г. Т. Кун отмечает, что концепцию парадигм активно используют исследователи социально-гуманитарных направлений [1]. В настоящее время парадигмальный подход является одним из наиболее актуальных для представления и систематизации социальных знаний. Например, С. И. Платонова в докторской диссертации «Парадигмальный характер социального знания», следуя концепции В. Д. Плахова, выделяет классическую, неклассическую и постнеклассическую парадигму социального знания. Учитывая, что данная классификация основана на разделении научной рациональности, предложенной В. С. Степиным, представляется логичным остановиться на неклассической и постнеклассической парадигме, так как в классической научной рациональности субъект «вынесен за скобки» процесса познания. Однако и такая классификация (неклассическая и постнеклассическая парадигмы социального знания) оказывается проблематичной для анализа. В концепциях социального знания XX–XXI вв. применяются различные методы: исторический, культурно-исторический, антропологический (этнический), экономический, научный, лингвистический и другие. Исходя из этого, парадигмы социального знания можно выделить по методологии, например, экономическая парадигма социального действия М. Вебера и К. Маркса.

Кроме этого, С. И. Платонова указывает на исследование полипарадигмального и мультипарадигмального подходов. «Феномен полипарадигмаль-

ности в социальном знании носит амбивалентный характер, имеет как позитивный, так и негативный аспекты. Позитивный аспект связан с введением новых понятий, категорий, методологических стратегий, он свидетельствует о положительном развитии социального знания; негативный аспект говорит об отрицательных процессах, таких как «размывание» предметного поля социальной теории, ее «растворение» в социально-гуманитарных, антропологических исследованиях» [2, с. 17]. В таком контексте полипарадигмальный подход логичней назвать биполярным парадигмальным подходом. Встречаются и другие варианты определения полипарадигмальности: «основанием полипарадигмальности выступают идея диалогичности, представление о множественности способов постижения бытия, идея интерпретации и вариативности субъектом познания единого смыслового континуума» [3, с. 60]. Одним из примеров полипарадигмальности в социальном знании выступает понятие «языковой личности». В данной интерпретации полипарадигмальный подход — мультипарадигмальный подход в классификации С. И. Платоновой. В статье мы будем использовать термин «полипарадигмальный подход». Полипарадигмальный подход характерен для постнеклассической научной рациональности, так как носит междисциплинарный характер, и направлен на поиск связей между различными парадигмами в социальном знании.

Таким образом, в современных исследованиях можно выделить множество классификаций парадигм социального знания. Учитывая это, нашей целью становится раскрытие парадигмы классической социологии знания (преимущественно экономической парадигмы М. Вебера) и современной социологии знания (парадигмы социологии науки).

В нашем случае парадигма классической социологии знания не основана на классификации научной рациональности, речь идет о классической теории в социологии и сравнении ее с современной.

Социологический интерес к знаниям, по мнению С. Вулгара, оправдывается релятивистским подходом к знанию. Например, П. Бергер и Т. Лукман пишут, что вопросы социологии отличаются от философских вопросов: философские вопросы направлены на определение критериев знания, в то время как социологические вопросы менее заинтересованы в статусе знания, а основной интерес связан с поиском и стремлением документировать источники различий в отношении социального контекста или атрибутов [4]. Различия в знаниях связаны с различиями классовой, религиозной принадлежности, социальном бытии, социальном контексте, социальных группах, обществе, культуре, расе и так далее. Однако исключением из этого списка в классической социологии знания является наука. Наука освобождалась от социологического анализа, как пишет С. Вулгар, поскольку считалось, что наука не признает вариативность, которая характерна для других форм: культуры, общества, религии, и не подвержена изменениям в социальном контексте.

Современные исследователи социологии знания пришли к выводу, что универсализм научных истин — миф, а очевидное отсутствие социальных различий в научных знаниях не является условием для науки. С. Вулгар описывает следующие концепции классической социологии знания:

1. Основой классических концепций социологии знания выступает формула К. Маркса, которая заключалась в том, что социальное в человеке определяет его мысли и сознание [5]. Его вклад в область социального знания — анализ условий для социальных изменений.

2. К. Маннгейм и М. Вебер пытались изменить формулу К. Маркса в более общий инструмент социологического анализа знаний. Они стремились расширить круг категорий, включенных в социальный контекст. «Таким образом, доминирующий интерес Маркса к ассоциации между материальными (классовыми) интересами и интеллектуальными установками уступает место, например, связи между интеллектуальной мотивацией социальной группы и стилем мышления этой группы. Социология знания Маннгейма, хотя и в основном программная, а не эмпирическая, была, таким образом, более радикальной (эпистемологически, если не политически), чем у Маркса. В частности, это открыло путь для социологического анализа систем знаний, рассматриваемых как надежные производители истины»¹ [6, с. 23].

3. Э. Дюркгейм приводит антропологически ориентированную точку зрения на сферы жизни человека, и основные категории мысли: пространство и время. Объекты в обществе рассматриваются, таким образом, как объекты, которые расширяют и отражают существующие социальные классификации. Например, «представления о пространстве отражают основную материальную и социальную организацию общества; временные разделения отражают способы организации ритуалов и праздников»² [6, с. 24]. Наука для Э. Дюркгейма — форма знания, которая избежала социального контекста, и является особым случаем в общей антропологической перспективе.

Мы подробнее остановимся на концепции М. Вебера, как одной из классических социаль-

ных теорий XX в., которую можно представить как парадигму социального знания (скорее действия), и концепций социологии науки.

Рационализацию социального действия М. Вебер оценивал как закономерную тенденцию, которую можно объяснить течением времени. Согласно теории М. Вебера рационализация определяет способ ведения хозяйства, оказывает влияние на все области жизнедеятельности, а также мышление людей. В результате процессов рационализации в Европе появился новый класс общества — индустриальный. М. Вебер выделил главный признак этого класса — активное применение формально-рационального начала, чего не было изначально предусмотрено в классах общества до этапа капитализма. Под формальной рациональностью, согласно Веберу, следует понимать рациональность в качестве модели.

Одним из главных понятий М. Вебера относительно формальной рациональности, а также экономических различий, капиталистического общества является понятие «идеального типа». Идеальный тип конструируется в капиталистическом обществе в виде теоретических представлений и в этом смысле может мыслиться «утопией». «Чем резче и однозначнее сконструированы идеальные типы, чем они, следовательно, в этом смысле более чужды миру, тем лучше они выполняют свое назначение — как в терминологическом и классификационном, так и в эвристическом отношении» [7, с. 15]. Если «идеальный тип» — мыслительная конструкция, тогда возникает вопрос: каким образом происходит конструирование «идеального типа»? Ответом на этот вопрос стало разделение социологического и исторического идеальных типов. «Социология, как это уже многократно предполагалось в качестве само собой разумеющегося, создает понятия типов и ищет общие правила событий в противоположность истории, которая стремится к каузальному анализу... индивидуальных, важных в культурном отношении действий, образований, личностей» [8, с. 545]. Исторический идеальный тип, таким образом, — «генетический тип», способствующий раскрытию исторических закономерностей, например, в экономическом развитии или истории господства. Социологический идеальный тип не подчинен пространственно-временному развитию событий, поэтому определяется как более общее понятие, как «чистый тип».

«Чистые типы» социологии Вебер сравнивает с идеально-типическими конструкциями политической экономики в том отношении, что, во-первых, в обоих случаях имеет место конструирование такого человеческого действия, как если бы оно происходило в идеальных условиях, и, во-вторых, обе дисциплины рассматривают эту идеальную форму протекания действия независимо от локальных условий места и времени» [9, с. 11]. Таким образом, разграничивая исторический и социологический идеальные типы, М. Вебер сближает в исследованиях историю и социологию.

Сближение истории и социологии в теории идеального типа М. Вебера проявилось в интерпретации понятия «понимание». История и социология изучают поведение человека в обществе. Отличие исторического и социологического изучения от психологического заключается в том, что рассматривается поведение человека в том аспекте, в котором его действия имеют определенный смысл. Необходимо отметить, что смысл понимается

не как абсолютный или объективный смысл действий человека, а как субъективный, приписанный самим человеком. «Понимание» в этом контексте эквивалентно осмысленности, осознанности деятельности. Социологическое понимание — осмысленность социального действия, которое у М. Вебера включает два момента: субъективная мотивация и ориентация на другого (других) человека. Осмысленный тип действия определяется у М. Вебера, как целерациональный. Целерациональное действие — идеальный тип, который редко встречается в чистом виде в реальности. «Наибольшей «очевидностью» отличается целерациональная интерпретация. Целерациональным мы называем поведение, ориентированное только на средства, (субъективно) представляющиеся адекватными для достижения (субъективно) однозначно воспринятой цели. Мы понимаем отнюдь не только целерациональное поведение, мы «понимаем» и типические процессы, основанные на аффектах, и их типические последствия для поведения людей» [8, с. 495]. Именно формально-рациональное начало послужило в качестве основы для построения капиталистического общества.

В качестве основной структуры общества М. Вебер предлагал рассматривать классы, для каждого класса автор подразумевал наличие различий по статусу, материальному доходу и другим критериям [9]. М. Вебер считал, что обычное деление на классы всего общества, предложенное Марксом, является узким и не отражает реальности социального разделения общественных слоев с учетом сложности выстраивания экономических связей. Однако М. Вебер принимал концепцию К. Маркса о том, что на образование классов и перспективы их существования, оказывают существенное влияние экономические факторы. При этом рассматривать особенности влияния экономических факторов М. Вебер предлагал не только с учетом зависимости отношений в сфере права собственности на производимые средства [9].

Таким образом, представленная концепция М. Вебера, может быть рассмотрена как парадигма социального знания классического типа, основными характеристиками которой выступают:

1. Следование определенной методологии. В данном случае речь идет о методологии социально-гуманитарных наук: исторический, социологический и экономический методы анализа социального действия. М. Вебер приводит сравнение социологических и исторических исследований с естественнонаучными.

2. Предложение универсального понятия. Идеальный тип, как универсальная, «утопическая» теория, основным принципом которой является целерациональность. Целерациональность, в свою очередь, редко встречается в реальности.

3. Применение универсального принципа во всех сферах жизнедеятельности человека. Принцип целерациональности рассматривается как основополагающий в экономическом развитии, хозяйственной деятельности, социальных образований и построении капиталистического общества.

4. Социальное действие определяет социальное знание. Социальное действие должно быть «понятным», осмысленным, целерациональным, следовательно, социальное знание также целерационально.

Современная парадигма социального знания представлена в исследованиях социологов науки. Основная критика в адрес исследователей социоло-

логии знания Э. Дюркгейма, М. Вебера, К. Маркса и К. Маннгейма, заключалась в том, что они исключили науку из социологии знания на основании того, что наука является частным случаем и выступает особенным, отличным от других, видом знания. Социологический подход к научным знаниям в современной парадигме сначала был предложен в сильной программе социологии науки Д. Блура и С. Барнса. Согласно сильной программе, любое знание (теоретическое и эмпирическое) может рассматриваться как материал для социологического анализа. При этом социологический анализ отвечает четырем обязательным принципам: причинности, беспристрастности, симметричности и рефлексивности [10]. Другая линия рассуждений в социологии науки принадлежит Б. Латуру и С. Вулгару. «Лабораторная жизнь» ученого становится все более «социальной»: «более значительная специализация и дифференциация потребовали усиления социальной организации и контроля (как внутреннего, так и внешнего); большая часть науки требует больших капиталовложений — огромные инвестиции в оборудование и специальные методы стимулируют командную работу»³ [6, с. 25]. «Лабораторная жизнь» ученого заменяется ситуацией в сложной социальной сети, и в итоге она стала подвержена социальному давлению. Ученый в большинстве случаев принадлежит к социальной группе, отношения в которой определяются тем, что считается научным. Социальная изоляция уменьшается еще больше в том случае, когда ученый начинает работать на благо промышленности или по правительственным заказам. Таким образом, ученый становится частью институционализированной социальной системы. С. Фучес использует понятие «парадигма интерпретаций», для которой основная проблема состоит в том, что социолог «оторван» от предмета своего исследования. С. Фучес пишет: «Парадигма интерпретации утверждает, что социология не имеет привилегированного доступа к своему предмету, но сталкивается с компетентной интерпретацией социального мира первого порядка (не профессиональные, любительские). Возможно, непрофессиональные интерпретации окажутся даже в более выгодном эпистемическом положении, поскольку социологи обычно не участвуют непосредственно в социальных мирах и практиках, которые они изучают. Профессиональные социологи входят в свои области «извне» (см. Блюмер), тогда как непрофессиональные интерпретации имеют когнитивные преимущества «внутренних» представлений. Поэтому парадигма интерпретации утверждает — в отличие от ученого, который не сталкивается с компетентными интерпретациями изучаемого им мира, — что социолог должен каким-то образом соотносить свои интерпретации с непрофессиональными интерпретациями»⁴ [11, с. 197]. Такая трактовка использует ограниченное и даже специфическое понимание социального: подчеркивание тех обстоятельств, которые находятся вне интеллектуальной деятельности. Однако можно утверждать, что такие действия, как интерпретация, доказательство, наблюдение, в феноменологическом смысле всегда были социальными. Таким образом, изолированный ученый погружен в «языковую игру», понимает смысл и реакцию на основе членства в языковом сообществе. С. Вулгар подчеркивает, что, к сожалению, такая феноменологическая перспектива долгое время игнорировалась, и большее значение придавалось структурному значению (науки как социальному институту). Учитывая феноменологиче-

скую перспективу исследования социологии науки, одним из важных терминов становится «репрезентативность». Представление объекта в языковой оболочке, перевод научного исследования в статьи и монографии, сложная процедура аргументирования и поиска «союзников» определяет социальный характер научного исследования.

Характеристиками современной парадигмы социологии знания, таким образом, выступают:

1. Междисциплинарный характер исследования, определяющий полипарадигмальный подход к социологии знания. В социологический анализ включается наука наравне с культурой, обществом, религией и другими сферами жизнедеятельности человека.

2. Образ ученого, включенного в социальное взаимодействие. При этом социальное взаимодействие мыслится как вне интеллектуальной деятельности, так и внутри нее в рамках научного языкового общества.

3. Любое знание (теоретическое и эмпирическое) может рассматриваться как материал для социологического анализа.

4. Социальное знание определяется полипарадигмальностью. Разнообразие методологических подходов приводит к рассмотрению социального знания, как сложного механизма, включающего социальные, культурные, научные и другие аспекты.

Таким образом, классическую и современную социологию знания можно рассмотреть с точки зрения парадигмального подхода. Изменения в современной социологии знания стали основной причиной смены парадигмы. Одним из главных изменений является включение науки в социологический анализ. Кроме этого, произошли значительные методологические изменения: следование определенной методологии сменилось междисциплинарным, и, как следствие, полипарадигмальным характером исследования в социологии знания.

Примечания

¹Marx's predominant interest in the association between material (class) interests and intellectual attitudes thus gives way to, say, the connection between the intellectual motivation of a social group and that group's style of thought. Mannheim's sociology of knowledge, albeit largely programmatic rather than empirical, was thus more radical (epistemologically, if not politically) than that of Marx. In particular, it opened the way for the sociological analysis of knowledge systems regarded as reliable producers of truth.

²Ideas about space reflect the basic material and social organization of society; time divisions mirror the ways in which rituals and feasts are organized.

³Greater specialization and differentiation has demanded increased social organization and control (both internal and external); much science is capital intensive — huge investment in equipment and specialist techniques has encouraged teamwork.

⁴The interpretive paradigm holds that sociology has no privileged access to its subject matter but confronts competent first-order lay interpretation of the social world. Possibly, lay interpretations might even be in a superior epistemic position, for sociologists are usually not directly involved in the social

worlds and practices they study. Professional sociologists enter their domains «from the outside» (see Blumer), whereas lay interpretations have the cognitive advantages of «inside» accounts. Therefore, the interpretive paradigm claims — unlike natural scientist who do not encounter competent interpretations of the world they study — social scientist must somehow relate their interpretations to lay interpretations.

Библиографический список

1. Кун Т. Структура научных революций: моногр. М.: Прогресс, 1977. 300 с.
2. Платонова С. И. Парадигмальный характер социального знания: дис. ... д-ра философ. наук. М., 2015. 271 с.
3. Пастухова Е. В., Николина Н. В. Языковая личность: лингвистический и философский аспекты // Сибирский философский журнал. 2018. Т. 16, № 2. С. 53–62. DOI: 10.25205/2541-7517-2018-16-2-53-62.
4. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / пер. Е. Руткевич. М.: Медиум, 1995. 323 с. ISBN 5-85691-036-2.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Собрание сочинений. В 30 т. 2-е изд. Т. 3. М.: Госполитиздат, 1955. 630 с.
6. Woolgar S. Science: The very idea. Chichester: Horwood; London; NY: Tavistock Publ., 1988. 119 p. ISBN 0-7458-0041-6.
7. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. В 3 т. Т. 2. М.: ИД ВШЭ, 2016. 448 с. ISBN 978-5-7598-0333-1.
8. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 808 с. ISBN 5-01-001584-6.
9. Гайденок П. П. Социология Макса Вебера // Избранные произведения: сб. ст. М.: Прогресс, 1990. С. 5–43.
10. Нугаев Р. Н. Современная социология знания: некоторые итоги и перспективы // Социология: методология, методы и математические модели (Социология 4М). 1997. № 8. С. 5–16.
11. Fuchs S. Professional Quest for Truth: A Social Theory of Science and Knowledge. Durham: SUNY Press, 1992. 272 p. ISBN 143840347X; 9781438403472.

НИКОЛИНА Надежда Валерьевна, кандидат философских наук, методист Колледжа индустрии питания, торговли и сферы услуг; магистрант Томского государственного университета (ТГУ).

SPIN-код: 1956-8775

AuthorID (РИНЦ): 725868

Адрес для переписки: nikolinanadya@gmail.com

СТРЕЛЯЕВА Анна Евгеньевна, старший преподаватель кафедры «Экономика и менеджмент» Томского института бизнеса; магистрант ТГУ.

Адрес для переписки: astrelyaeva@inbox.ru

Для цитирования

Николина Н. В., Стреляева А. Е. Классическая и современная социология знания: парадигмальный подход // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2019. Т. 4, № 2. С. 82–86. DOI: 10.25206/2542-0488-2019-4-2-82-86.

Статья поступила в редакцию 18.03.2019 г.

© Н. В. Николина, А. Е. Стреляева

THE CLASSICAL AND MODERN SOCIOLOGY OF KNOWLEDGE: PARADIGM APPROACH

There are discusses the classical and modern sociology of knowledge from the position of a paradigm approach in this article. The basis of the classical paradigm of the sociology of knowledge is the theory of social knowledge and the actions of K. Marx, M. Weber, E. Durkheim and K. Mannheim. The inclusion of science as a material for sociological analysis led to the formation of the modern paradigm of the sociology of knowledge, whose representatives are D. Blur, S. Barnes, B. Latour and S. Woolgar.

Keywords: paradigm, polyparadigmism, sociology of knowledge, sociology of science, social action.

References

1. Kuhn T. *Struktura nauchnykh revolyutsiy* [The Structure of Scientific Revolutions]. Moscow: Progress Publ., 1977. 300 p. (In Russ.).
2. Platonova S. I. *Paradigmал'nyy kharakter sotsial'nogo znaniya* [Paradigm character of social knowledge]. Moscow, 2015. 271 p. (In Russ.).
3. Pastukhova E. V., Nikolina N. V. *Yazykovaya lichnost': lingvisticheskiy i filosofskiy aspekty* [Linguistic personality: linguistic and philosophical aspects] // *Sibirskiy filosofskiy zhurnal. The Siberian Journal of Philosophy*. 2018. Vol. 16, no. 2. P. 53–62. DOI: 10.25205/2541-7517-2018-16-2-53-62. (In Russ.).
4. Berger P., Luckmann T. *Sotsial'noye konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya* [The Social Construction of Reality] / Trans. E. Rutkevich. Moscow: Medium Publ., 1995. 323 p. ISBN 5-85691-036-2. (In Russ.).
5. Marx K., Engels F. *Nemetskaya ideologiya* [The German Ideology] // *Sobraniye sochineniy* [Collected Works]. In 30 vols. 2nd ed. Vol. 3. Moscow: Gospolitizdat Publ., 1955. 630 p. (In Russ.).
6. Woolgar S. *Science: The very idea*. Chichester: Horwood; London; NY: Tavistock Publ., 1988. 119 p. ISBN 0-7458-0041-6. (In Engl.).
7. Weber M. *Khozyaystvo i obshchestvo: ocherki poni-mayushchey sotsiologii* [Wirtschaft und Gesellschaft. Grundriss der verstehenden Soziologie]. In 3 vols. Vol. 2. Moscow: HSE Publ., 2016. 448 p. ISBN 978-5-7598-0333-1. (In Russ.).
8. Weber M. *Izbrannyye proizvedeniya* [Selected Works]. Moscow: Progress Publ., 1990. 808 p. ISBN 5-01-001584-6. (In Russ.).
9. Gaydenko P. P. *Sotsiologiya Maksa Vebera* [Sociology of Max Weber] // *Izbrannyye proizvedeniya. Izbrannyye Proizvedeniya*. Moscow: Progress Publ., 1990. P. 5–43. (In Russ.).

10. Nugayev R. N. *Sovremennaya sotsiologiya znaniya: nekotoryye itogi i perspektivy* [Modern Sociology of Knowledge: Some Results and Prospects] // *Sotsiologiya: metodologiya, metody i matematicheskiye modeli (Sotsiologiya 4M). Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Modeling (Sotsiologiya 4M)*. 1997. No. 8. P. 5–16. (In Russ.).

11. Fuchs S. *Professional Quest for Truth: A Social Theory of Science and Knowledge*. Durham: SUNY Press, 1992. 272 p. ISBN 143840347X; 9781438403472. (In Engl.).

NIKOLINA Nadezhda Valerievna, Candidate of Philosophical Sciences, Methodist, College of Food Industry, Trade and Service; Undergraduate of Tomsk State University (TSU).

SPIN-code: 1956-8775

AuthorID (RSCI): 725868

Address for correspondence: nikolinanadya@gmail.com

STRELYAEVA Anna Yevgenyevna, Senior Lecturer of Economics and Management Department, Tomsk Institute of Business; Undergraduate of TSU.

Address for correspondence: astrelyaeva@inbox.ru

For citation

Nikolina N. V., Strelyaeva A. E. The classical and modern sociology of knowledge: paradigm approach // *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2019. Vol. 4, no. 2. P. 82–86. DOI: 10.25206/2542-0488-2019-4-2-82-86.

Received 18 March 2019.

© N. V. Nikolina, A. E. Strelyaeva